

Михаил САУЛОВ

ЖИЛ, БОЯСЬ ОПОЗДАТЬ

В книге «Писатели Кузбасса» наш земляк Анатолий Саулов самый молодой. Впрочем, так оно теперь всегда и будет: жизнь отвела ему всего 26 лет. И вот уже 21 мая ровно 30 лет, как его нет с нами.

Он написал три книги стихов - «Белые ливни», «Земляника» и «Я боюсь опоздать», множество очерков и репортажей в нашей районке.

К 30-летию кончины поэта-земляка печатаем заметки его брата журналиста Михаила Саулова, кстати, тоже работавшего в шестидесятых в нашей газете заместителем редактора.

ЗВОНОК В НОЧИ

Ночной телефонный сигнал в Абакан, где я работал собкором газеты «Красноярский комсомолец» по Хакасии и югу края, прорвался сквозь сотни натруженных километров и прозвонительно застучал в квартире, словно из автомата, сразу предвещая что-то неладное.

Стояла вторая половина мая шестьдесят восьмого. За окнами при лунном свете тускло вато похлялая матовым пожаром черемуха. Продолговатое здание драматического театра походило на сказочно-белый пароход.

Толя умер... - смятенно сообщила трубка мужским голосом. Звонил из Яшкина брат Иван.

Ужас какой-то! Недавно же он выступал на хакасском телевидении. Я передал ему тогда мидый отзыв о его книге «Земляника» первого хакасского романиста Николая Деможаква, кстати, приглашавшего Толю обосноваться в Абакане. Поведали о том, что по этой же книжке ленинск-кузнецкий писатель Петр Шмаков успешно защитил курсовую работу в Литературном институте им. М. Горького в Москве - сгнхизбрат там высоко оценили. И он был так рад всему этому! Вот лишь...

Помню, рано утром мы спешили на кемеровский поезд. Уже перед самым

вокзалом срезали угол, помчались по насыпи. Толя вдруг резко выдохнул: «Стоп!» Привычно протер очки:

- Это мое сердце... Наклонился. В его ладони лежал ручкой (с кулак) валун. И тожно, как сердце: похожая форма, прожилки.

- Остаюсь. И что бы это значило? Может, конец скоро? - подумал, подумал: - Мне бы хоть до тридцати дотянуть - столько надо успеть. Ужасно боюсь опоздать сказать свое слово...

В Яшкино он перебрался из Кемерова по ряду причин: здесь жила наша мама, другие родственники, здесь на погосте покоился отец. Здесь ему без особых проволочек дали первую в жизни квартиру.

На моем письменном столе лежали последние его весточки. Бодрая открытка: «Спасибо за все, ребята!»

И еще, более радостное: «В Москве взяла книгу мою. Когда выйдет - не знаю. Но выйдет. Только что пришел ответ».

Казалось, все так благополучно складывается. В той же, последней открытке: «Сегодня читаю в студии стихи. О космосе. Лейтмотив: я вернусь, я вернусь». И озорное: «Эх, 100 грамм бы еще...»

Вспомнились вместе прожитые годы, совместные командировки.

среди деревенского приюльи и стал набирать силу его поэтический дар.

«Помню, к маме я прижался, Слыша сказки в тишине.

Мир шуриал, преобразался, Трепыхался мир во мне...»

- это как раз о той поре детства.

Потом, когда выросли, не раз навевались сюда, на участок, который, к сожалению, все хирел. Брат бросался на парную цветистую траву, подолгу лежал молча, разбросав руки по сторонам, и все глядел в

ЕВТУШЕНКО И ДРУГИЕ

Брат не признавал стихов к красивым датам, он посвятил себя и свое творчество извечным истинам - природе и ее созданию - людям, их чувствам. Педанг из села Ваганово Галина Феллош писала мне о нем: «Мне кажется, когда человек сливается с природой, чувствует себя ее частичкой, то это высшая точка жизни, ее вершина. Несомненно, ваш брат был частичкой природы, ее другом, ее поэтом. Слово у Анатолия в стихе легкое, воздушное, оно возвышает душу, а не придавливает, как у некоторых поэтов».

Нашим общим литературным Богом был, конечно, А. С. Пушкин, другие классики. Из советских же Толя ценил Е. Евтушенко - за смелость, напористость. И очень переживал за него, когда узнал от меня, что по команде первого комсомольца страны С. Павлова в «Молодой гвардии» рассыпали набор книги поэты лишь за то, что тот написал про него такие строки:

«Когда румяный комсомольский вожьд На нас, поэтов, кулаком грохочет, И хочет наши души мать, как воск, и вылипить»

ЭКСПРОМТЫ

К юмору у него было особое отношение: он им дышал. Юмор помогал выжить многим в ту брежневскую пору, когда за одно меткое слово в адрес вождей можно было попасть либо за решетку, либо в психушку. Своим сверстникам Толя советовал:

«Учиться думать и молчать. Не доверять солнечным следам. Ведь не кому-то отвечать, А нам за тех, кто будет следом»

Это - в книжке. А в черновике я нашел такой вариант: «Учиться думать, не молчать» и т. д. Но это «немолчанье» в обществе ГУЛага подобно смерти. Лучше помолчать до поры, до времени, копить силы.

Как-то слетали с ним в Туву. Пошли подвизаться обелиску «Центр

сине бездонное небо.

«На валок ты лягнешь молча, Свергу купол голубой. Или это колокольчик Наклонился над тобой?»

Мы с Толей пробовали вступить за малые деревеньки, их ведь десятками сносили с лица земли. Выступали в газетах, по телевидению, обращались с письмом к инициатору этого надругательства над природой академику Т. Заславской, но все без толку. «Процесс пошел».

И даже неуютная малая родина придавала брату силы.

свое подобье хочет, - Его слова, Есенин, не страшишь, Но трудно быть от этого веселым. И мне не хочется, поверь, забыть штаны, Бежать за этим самым комсомолом...»

Сагитировал таких же, как сам, молодых поддержать опального поэта телеграммой, и тот был благодарен за это. Е. Евтушенко нравился ему еще и тем, что сам шел к своим читателям. Как-то тот читал главу из поэмы «Братская ГЭС» в рабочем клубе той же гидростанции про деревенскую девочку Ньюшку, родившую на стройке безоговорочного ребенка. И все матерински встали, а передними стояли их дети!

- Вот это выше всяких наград, - восторгался брат. Сам он мечтал:

«И листки со стихами - Боль, кровинки мои - Друг прощипнет»

дыхонье Затаяв, затаяв... Читывался А. Твардовским, боготворил великих дам Анну Ахматову и Марину Цветаеву. Из кузбасских выделял В. Баянова, И. Киселева, В. Махалова.

Оказывается, в сибирской «заперти» вождем

обожал медовушку из петровских кружек

ДУМЫ О ВЕЧНОМ

К высшим силам у брата, как, впрочем, и всех нас, семерых выживших, отношение было уважительное. Ишло это от мамы. Она не была показной поклонницей Всевышнего, не так уж и часто ходила в церковь, но всегда держала в душе Бога.

Толя верил во Вселенский разум, в то, что земляне - лишь песчинка в мироздании. Как-то признался: «Я там был, понимаешь?» Я посомневался: «Может, во сне?» - «Нет, нет. И больше не заикнулся об этом».

В космос он рвался постоянно, словно его там поджидали, словно судьбой было предназначено ему слиться с ним. Не случайно же о космосе столько стихов и две поэмы «Утес на Волге» и «Я сын твой, Земля».

Я задумался об этом после его кончины. Это случилось глубокой ночью. Дома я был один.

В ПАМЯТИ ЛЮДСКОЙ

Брату здорово повезло в жизни: на его пути чаще встречались порядочные люди, как мы называем, соль земли, соевые земли. И после его кончины они многое сделали, чтобы не забылись его стихи, его личность. Из писателей это в большей степени Е. Буравлев и М. Небогатов. Но больше делают почитатели его таланта.

Расскажу лишь об одном вечере, проведенном в селе Ваганово Промышленновского района. Его создали (именно создали) талантливый педагог и поэт Галина Феллош с помощью директора школы Н. Д. Обмановой, коллег-педагогов, увлеченных литературой учеников.

В небольшом уютном зале целых четыре часа все дышало поэзией брата: и стены, увешанные зарисовками юных художников на его стихи, и даже воздух, в котором звучал голос ведущей, прекрасной Галины Феллош, и песни на Толлины стихи. Звучал и живой голос поэта - с плечки А. в центре, на стене, размещался портрет брата, написанный кемеровчанином, талантливейшим Германом Захаровым, к сожалению, тоже почившем.

Помню, сидевший рядом со мной редактор промышленной районки Геннадий Кушцов, тоже поэт, не отрывая глаз от портрета, шептал:

- Смотри, смотри, как меняется выражение лица: то улыбка, то грусть. В зависимости от того, что о нем говорят.

И всем казалось тогда: Толя был тут же, с нами, на все реагировал, как живой.

Но этим в Ваганове не

От какого-то не то шороха, не то шепота проносился. И... Передо мной на стене, на желтоватом экране, положим на кинопроекторный, только больших размеров (во всю стену проходил - кадр за кадром - незнакомый мне до того и явно неземной мир: почти такой, какой рисуют на рождественских открытках или в православных книгах. И вот я уже отчетливо вижу парящим в обличье ангела Толю. Он ничего не говорил, только вроде как шел, вынул крыльями и «экран» померк.

Это было лет двадцать назад. Об этом, конечно же, умалчивал во избежание насмешек. И писать об этом не хотел, пока в прошлогодних ноябрьских «Аргументах и фактах» не наткнулся на статью «Пересадка души», с фотографией - один к одному тот самый видный иной мир.

ограничились. Пополняется папка «Поэт Анатолий Саулов» - то новую вырезку из газеты, то новые вложения, то ранее не опубликованные стихи. Г. Феллош пошла дальше: ввела в обязательную программу по литературе произведения кузбасских литераторов. Галина Федоровна порывалась сделать: «На замену по литературе был билет (№ 4) «Поэзия Кузбасса: творчество А. Саулова».

Вытянувшая его ученица вдохновенно читала стихи высшего брата, рассказывала его биографию. Кстати, имеются кое-какие новые задумки изучения его творчества в старших классах. Хотелось оформить реферативно (конечно, вместе со школьниками) альбом с его неопубликованными стихами и более расширенной биографией.

Мне же подумалось: а на малой родине поэта, ни в городе, ни на селе, никто до этого не додумался. Разве же у нас нет таких педагогов, как в Ваганове?

С брате написано немало.

«Молодой, он молодой оставил Птицу-песню»

нежужу до слез. Сам ушел, как будто бы растаял»

Где-то там; во ржи, среди берез...»

Это М. Небогатов.

«Струлись ручьином речистым, чистым, Боляса опоздать и все степями»

Поэтом был мой друг и журналистом, А это значит - Человеческом был...»

Это Б. Ярн из г. Анжеро-Судженска. г. Ленинск-Кузнецкий.

НА МАЛОЙ РОДИНЕ

В три с маленьким его крестили. Батюшка прибыл на участок Заготскот, куда семья переехала из колхоза «Октябрь» перед самой войной, откуда-то изда-лека: прижимали в те времена церкви, увещивая священники побиавались советской власти, но были и среди них свои «диссиденты», верно служившие долгу.

Батюшка был здоровенный, куластый, в богатой шубе - как боярин. Махнул с ходу стакан первача - мороз на улице шибко лютовал. Вытер бороду, крякнул, достал свечку. А та в дороге согнулась. Увидел ее братишка и сразу:

- Ма, а свечка, как у нашей Маньки рог.

Гость не сразу нашлся, что сказать, лишь широко рассмеялся (видно, с утра пошел на поляну), поглядил мальчика по головке и, чутьчку поразмыслив, изрек:

- Видать, смысленным будет дитя Божье. Ну - бард и есть бард.

Мама не знала, кто такой «бард», а вот слово смысленный ей приглянулось.

Участок Заготскот (теперешнее ТОО «Ленинское») был поселком в три десятка домов. До ближайшего разъезда (169 километров), где имелась школа-трехлетка, насчитывалось километра четыре, которые мы, военные детишки, зимой преодолевали на годолых быках. Уютное поселение: внушительный пруд, веселые березовые колки, лужайки и приторки, усыпанные ароматными цветами. Среди этого раздолья и благоухания и провел первые годы жизни Толя, вобрав в себя мощные творческие токи матушки-природы. Я глубоко убежден, что именно здесь, на ленинск-кузнецкой земле,